

вотная личность иногда до смерти продолжает культивировать свой эгоизмъ, не взирая на голось разумнаго сознанія. Если же признать животную личность, одаренную свободой, способной или признать или отвергнуть законъ разумнаго сознанія, и въ то же время признать еще разумное я,—то выйдетъ психологическая нелѣпость двухъ свободныхъ я въ человѣкѣ. Даље, если эгоизмъ есть необходимо присущее животной личности свойство, а слѣдовательно и матеріи, то говорить объ уничтоженіи этого свойства такъ же мало можно, какъ объ уничтоженіи, напр., непроницаемости, также свойства матеріи. Этимъ уничтожается всякая возможность борьбы съ эгоизмомъ; заранѣе обреченная на бесплодность, она безсмыслenna. Другое дѣло, если эгоизмъ есть порожденіе свободного акта нашей воли. Но гдѣ въ психології Л. Толстого такое свободное начало? Признать, что оно есть порожденіе нашего разумнаго сознанія, какъ частицы всеобщаго и безличнаго, хотя и свободного разума, Л. Толстой никогда не согласится, ибо тогда придется съ необходимостю признать, что у всеобщаго разума на ряду со свойствомъ любви есть и свойство эгоизма, а между тѣмъ у Л. Толстого основнымъ фактомъ признается противоположность между разумнымъ сознаніемъ, какъ началомъ любви, и животной личностью, какъ началомъ эгоизма; къ тому же, при предположеніи, что всеобщій разумъ можетъ усовершаться, совершенно непонятно, зачѣмъ онъ будетъ на пути своего усовершенія ставить себѣ тормазы и препятствія въ видѣ порождаемаго имъ самимъ эгоизма. Что касается до предположенія особаго духовнаго существа въ человѣкѣ,—существа, обладающаго волей и способнаго свободно породить эгоизмъ,—то оно не мирится со всей психологіей Л. Толстого, и при признаніи такого существа, какъ это есть въ христіанствѣ, необходимо признать и личное бессмертіе. Говорить же объ уничтоженіи такого духовнаго существа или уничтоженіи его личности, при сохраненіи самой сущности (чтѣ можетъ быть сталъ бы утверждать Л. Толстой, учащій объ уничтоженіи животной личности, присущей матеріи, при сохраненіи самой матеріи, переходящей въ другія формы матеріального бытія), значить увеличивать рядъ психологическихъ и метафизическихъ нелѣпницъ.